

В. В. Питулько¹, П. А. Никольский²

ЛИЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ (ПОДВЕСКИ) ИЗ РАСКОПОК ЯНСКОЙ СТОЯНКИ: МАССОВЫЕ И ЕДИНИЧНЫЕ ТИПЫ ИЗДЕЛИЙ

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A. Personal adornments (pendants) unearthed at Yana site: serial and specific types of artifacts

Article reports numerous personal adornments yielded by the excavations of Yana site, Arctic Siberia. Various types of pendants constitute a sufficient part of ornaments in Yana. Both mineral and biogenic raw material was used to produce the pendants. While biogenic materials such as mammoth ivory and animal tooth are being used widely, artifacts made of minerals (amber and anthraxolite) are substantially rare. Since these materials are available far away from the site, their presence indicates long-distance transportation of them. Excavations yielded a series of ring-shaped ivory pendants finding analogy in Upper Paleolithic sites in Yenisei and Trans-Baikal regions. These are Kurtak-type pendants which appear to be wide spread across Siberia within the Early Upper Paleolithic. The animal tooth pendants are the most common type and bear some peculiar features. Many of them are made of incisors of different herbivore species and have drilled holes in the root area. Contrary to European sites where carnivores are common, in Yana (and in Siberia in general) tooth of reindeer, bison, and horse are used, between which reindeer is the most abundant. Carnivore species represented by wolf and Arctic fox fangs are extremely rare among perforated tooth pendants. Some of the pendants were coloured with red ochre paint. Use of reindeer fat for the paint, together with herbivore incisors used as the most common 'preform' for decorations (and rare use of carnivore tooth for the same purpose) reflects certain symbolic behavior practised by Yana humans, perhaps self-positioning as 'reindeer killers' or 'wolf people'. Remarkably that except finished artifacts (perforated pendants) there are several findings of caches that contained selection of tooth prepared for making necklaces (both untached and already perforated incisors). Whatever the reasoning was, number seven was chosen with certain purpose and then Yana finds demonstrate a great antiquity of that magic number.

ВВЕДЕНИЕ

Среди личных украшений людей верхнего палеолита, встречающихся при раскопках памятников палеолита Северной Евразии, наиболее распространены бусы и простейшие подвески из зубов животных. Массовые находки в большинстве случаев происходят из погребений, например в

Сунгире (Бадер, 1998), Ушках (Диков, 1977), на моравских памятниках (Svoboda et al., 1996). Наряду с прочими их принято относить к предметам с неутилитарной функцией, или к искусству в широком значении этого слова. Так или иначе, они являются свидетельством прошлой символической деятельности человека.

В материалах верхнего палеолита Сибири эти находки относительно многочисленны, несмотря на то что их общее количество в сибирских памят-

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

² Геологический институт РАН, Москва, Россия.

никах до недавнего времени в целом было невелико. По сводке Г.И. Медведева (Medvedev, 1998), общее количество предметов с неутилитарной функцией составляло около 600 экз., большинство из них получено при исследованиях Мальты и Бурети. С учетом находок в алтайских и забайкальских памятниках, сделанных в последнее десятилетие, их количество, видимо, незначительно превышает 700 экз.

В основном эти предметы происходят из памятников, характеризующих ранний верхний палеолит, в том числе его начальные этапы. Древнейший в Сибири комплекс со следами проявления символической деятельности человека — стоянка Кара-Бом, уровень 5 — имеет возраст $43\ 300 \pm 1800$ (GX-17596). Наиболее многочисленны из них (31 неутилитарный предмет) происходят из слоя 11 Денисовой Пещеры с возрастом $>37\ 235$ (Деревянко, Рыбин, 2003). Подавляющее большинство сибирских находок, связанных с символической деятельностью человека раннего верхнего палеолита, известно из южной части центральной Сибири и Забайкалья — стоянки Хотык, Каменка, Подзвонкая и др. (Лбова, 2000; Деревянко, Рыбин, 2003; Ташак, 2009).

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛА

Наряду с бусами двух типов (рис. 1, 2, 6, 7), общее количество которых превышает 5000 экз. (Питулько и др., 2012), разнообразные подвески являются одним из наиболее распространенных типов украшений, известных на Янской стоянке. Среди подвесок представлены как серийные, так и уникальные формы. К серийным изделиям относятся подвески из зубов животных (рис. 1, 1–5) и кольцообразные подвески из бивня мамонта (рис. 2). Уникальные формы представлены преимущественно изделиями из минерального сырья, хотя среди них встречаются и предметы, изготовленные из кости, например плоская подвеска неправильной формы с центральным отверстием, выполненным биконическим сверлением (рис. 1, 9). Для ее производства использован фрагмент стенки массивной кости. Другой необычный предмет из этой категории находок получен при пробных раскопках на

За пределами этой области до начала работ на Янской стоянке (Pitulko et al., 2004) такие находки известны лишь из позднейших памятников верхнего палеолита — Ушки I, слой 6 и 7 на Камчатке (Диков, 1977; 1979), недатированного нижнего комплекса стоянки Хета в Верхнем Приколымье, предположительно имеющего финально-плейстоценовый возраст (Слободин, 1999) и из Берелехского геологического комплекса в бассейне Нижней Индигирки (Питулько, 2011; Pitulko, 2011), где представлены разнообразными по форме подвесками, изготовленными из мягкого камня.

В ходе исследований Янской стоянки, расположенной в нижнем течении р. Яны на севере Яно-Индигирской низменности под 71° с.ш., получена значительная коллекция подвесок, бус, других украшений и орнаментированных изделий, традиционно относимых к свидетельствам символической деятельности человека. Возраст этого уникального памятника верхнего палеолита Сибири, древнейшего в Арктике, составляет около 28 000 л.н. (Питулько, Павлова, 2010). В настоящей работе рассматриваются различные типы личных украшений — подвесок, изготовленных из биогенного и минерального сырья.

участке Яна-В. Это подвеска из резца лошади с зарубкой в корневой части (рис. 1, 11).

Подвески, изготовленные из минерального сырья, немногочисленны. К ним относится изделие из мягкого минерала смолянисто-черного цвета (антраксолит, разновидность окаменевшего битума) со сверленным биконическим отверстием (рис. 1, 10). Оно удлиненной формы, отверстие для подвешивания расположено асимметрично, одна из сторон прямая, искусственно сформированная. Вблизи отверстия имеется группа штрихов неясного назначения. В целом подвеска напоминает условно переданную голову какого-то животного, скорее всего, плейстоценовой лошади. Другая подвеска изготовлена из янтарной галечки красного цвета и имеет двойную круговую нарезку (рис. 1, 8). Янтарь низкого качества, хрупкий и, скорее всего, местного происхождения. В пределах региона

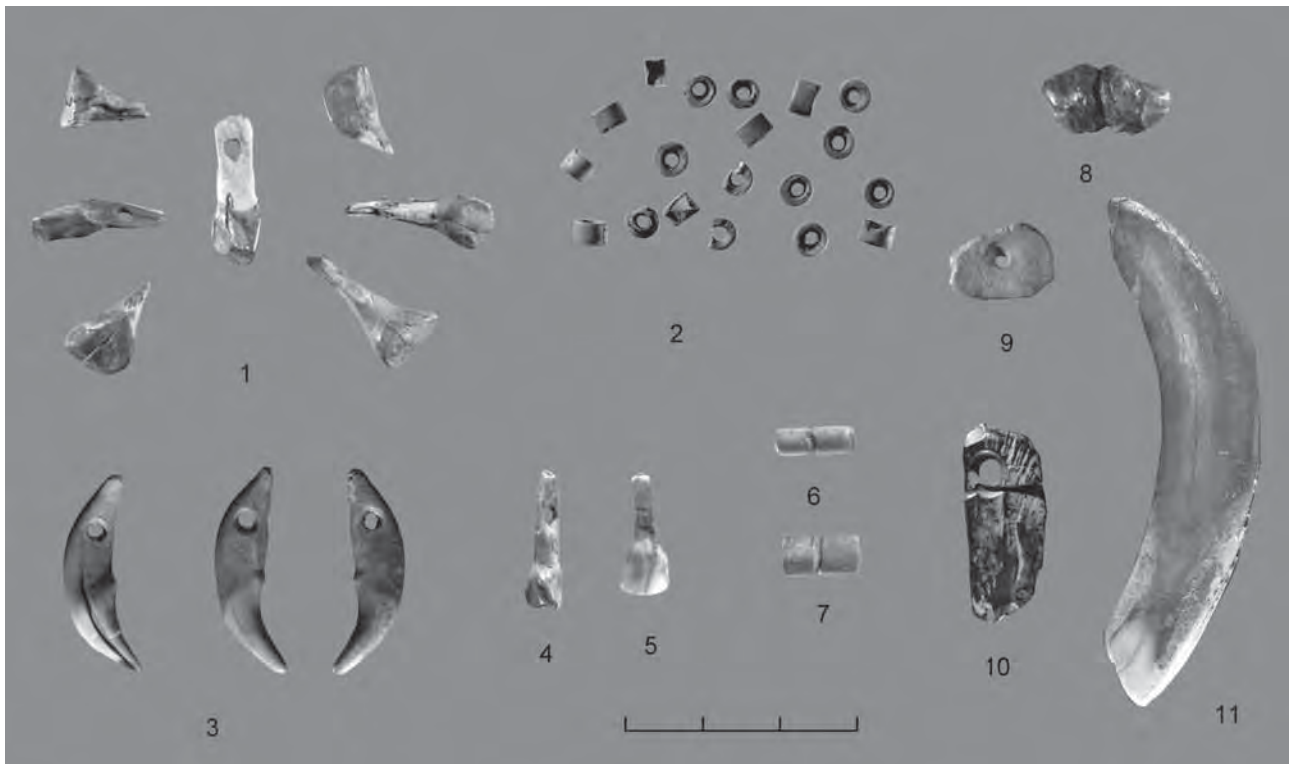

Рис. 1. Бусы и подвески Янской стоянки: 1 — подвески из зубов северного оленя; 2 — бусы 1-го типа (простые круглые из бивня мамонта); 3 — просверленные клыки мелкого хищника (песец?); 4 — просверленный резец северного оленя; 5 — резец северного оленя с круговой нарезкой; 6 и 7 — бусина 2-го типа (пронизка) с круговой нарезкой в центральной части; 8 — янтарная подвеска с двойной круговой нарезкой в центре; 9 — подвеска из кости; 10 — подвеска из антраксолита; 11 — подвеска из резца лошади с зарубкой у корня (1–10 — Янская стоянка, участок Северный, 11 — участок Яна-В)

он описан для о-ва Новая Сибирь (мыс Утес Деревянных Гор на южном берегу острова) примерно в 600 км к северу от Янской стоянки, там же встречаются антраксолиты, угли, окаменевшая миоценовая флора (Гаккель, 1967), что подтверждается в том числе полевыми наблюдениями авторов.

Кольцеобразные подвески из бивня представлены в небольшом количестве (8 шт.), в основном фрагментами (рис. 2, 5–7). К этой же группе условно отнесено кольцеобразное изделие из бивня мамонта (рис. 2, 8). Диаметр изделий составляет 2,5–3 см, толщина около 0,5 см, диаметр центрального отверстия около 1 см на начальной стадии изготовления, впоследствии увеличивается приблизительно до 2 см.

Имеются изделия различной степени готовности. Для их производства использовались есте-

ственные щепки бивня мамонта (рис. 2, 1) и, вероятно, отщепы, в которых первоначально по контуру прорезалось отверстие. В результате данной операции появлялись «таблетки» из бивня мамонта, являющиеся специфическим отходом производства (рис. 2, 2–4). На следующем этапе формировался внешний контур подвески и расширялось отверстие. Аналогичные серийные изделия впервые были найдены Н.Ф. Лисицыным на Верхнем Енисее на стоянке Куртак 4. Возраст этого памятника близок ко времени существования Янской стоянки и на основании нескольких радиоуглеродных дат определен в интервале 26 000–23 000 л.н. (Лисицын, 2000). Этот специфический культурный элемент (кольцеобразные подвески) (рис. 2, 5–7) определяется нами как «подвески типа Куртак» (Питулько и др., 2012).

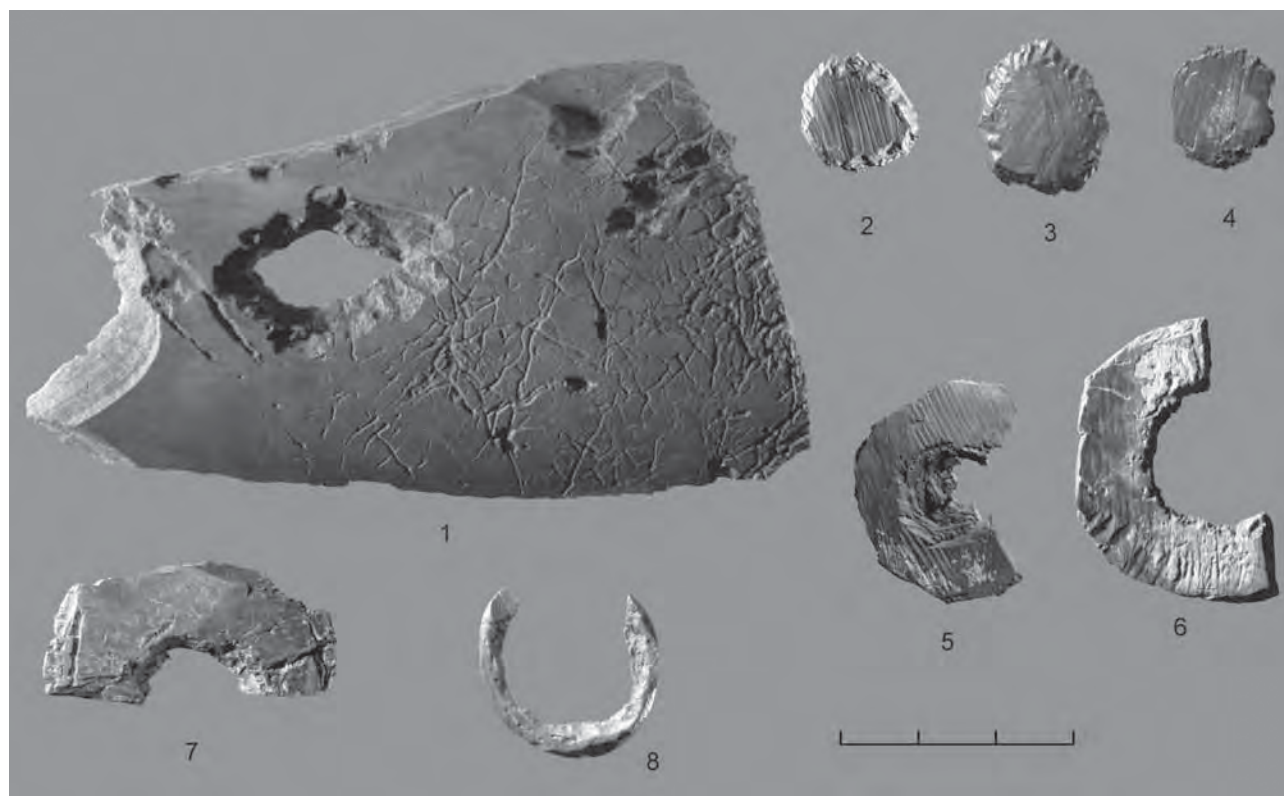

Рис. 2. Подвески типа Куртак (изделия, полуфабрикаты, отходы): 1 — полуфабрикат (щепка бивня с прорезанным отверстием); 2–4 — «таблетки» из бивня, образующиеся при прорезывании отверстий; 5–7 — подвески типа Куртак (фрагменты); 8 — кольцообразная подвеска с тонким краем, также отнесенная к подвескам типа Куртак

На Янской стоянке наиболее распространены подвески из зубов животных (81 экз.). За исключением подвески из резца лошади (рис. 1, II), обнаруженной при пробных раскопках в пункте Яна-В, все остальные происходят из раскопок в пункте Северном. Они встречаются как единично (рис. 3, 5–7), так и небольшими группами (по два-три предмета), однако, будучи найденными в значительном количестве на том или ином участке раскопа, чаще всего оказываются рассеяны на небольшой площади — около квадратного метра или чуть более (рис. 3, 8).

Относительно редкой находкой являются «клады» заготовок для изготовления наборов таких подвесок. В них компактной группой всегда представлено семь предметов. Компактность залегания и в особенности количество сложенных вместе зубов (чаще всего резцов), а также повторяемость находок на различных участках раскопа однозначно указывает на намеренность действий, совершен-

ных в прошлом (рис. 3, I–4). Всего встречено пять таких достоверных групп, и происходят они из тех же участков, на которых осуществлялось изготовление бус и пронизок. В коллекции имеется дополнительно некоторое количество изолированных зубов, встреченных единично и группами по 2–3 предмета в условиях, не предполагающих их случайное попадание в культурный слой, то есть вне фаунистического контекста, которому они могли бы принадлежать. Они, скорее всего, также являются заготовками зубных подвесок, однако данное утверждение не будет доказательным. В отношении упомянутых пяти группировок сомнения, по приведенным соображениям, отсутствуют, тем более что в одной из таких групп в кв. К34, байд-жарах Центральный 3, из семи зубов «клада» два перфорированы (рис. 3, I).

Помимо особенностей пространственного размещения подвесок заслуживает внимания также

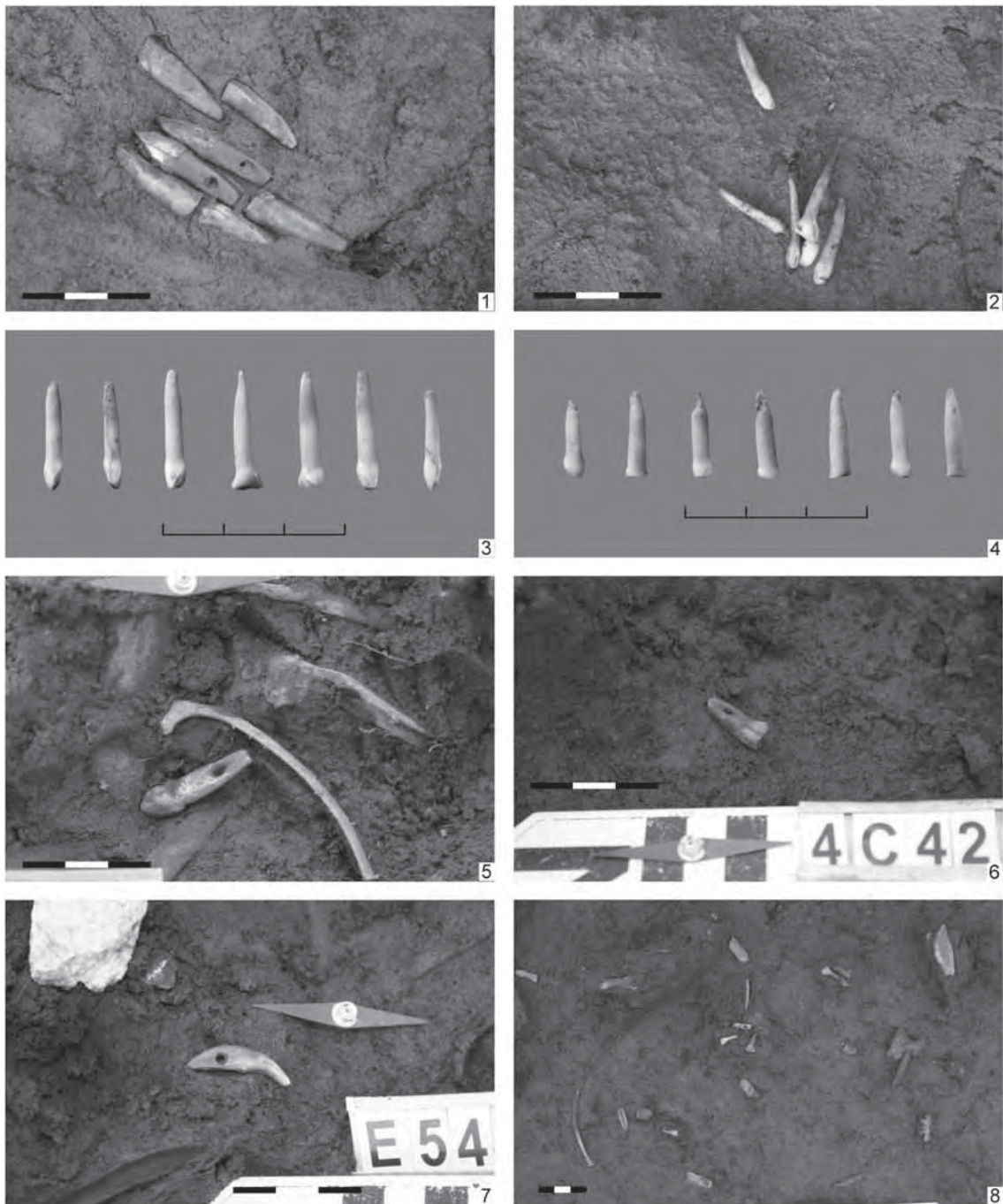

Рис. 3. Янская стоянка. Подвески из зубов животных и их заготовки (пространственная организация находок): 1 — группа из семи зубов, состоящая из двух сверленных зубов бизона и пяти заготовок (изолированных резцов бизона), кв. К34, раскопки 2007 г.; 2 — группа из семи зубов северного оленя, кв. N51, раскопки 2009 г.; 3 — группа из семи молочных резцов северного оленя, кв. I44, раскопки 2008 г.; 4 — группа из семи молочных резцов северного оленя, кв. 4A37, раскопки 2008 г.; 5 — подвеска из резца северного оленя, кв. 2V52, раскопки 2011 г.; 6 — подвеска из резца северного оленя, кв. 4C42, раскопки 2010 г.; 7 — подвеска из клыка песца, кв. E54, раскопки 2010 г.; 8 — группа из семи подвесок из резцов северного оленя, кв. 4C43, раскопки 2010 г.

Таблица

Характеристика видовой принадлежности единичных находок и групп сверленных подвесок и их заготовок из зубов млекопитающих (раскопки Янской стоянки 2003–2010 гг.)

Вид	Характеристика артефакта	Число единичных находок	Число групп	Число в группе	Общее число
Северный олень, резец	Сверленный зуб	23	2	7	37
Северный олень, резец молочный	Сверленный зуб	9			9
Северный олень, резец молочный	Несверленная заготовка	6	2	7	15
Бизон, резец	Сверленный зуб	3	3	I группа: 7 II группа: 2 сверленных резца бизона + сверленный резец сев. оленя III группа: 2 сверленных резца бизона + 5 заготовок из резцов бизона	19
Лошадь, резец	Сверленный зуб	1			1
Лошадь, резец	Зуб с зазубриной в корневой части	2			2
Волк, клык	Зуб с зазубриной в корневой части	1			1
Волк, первый нижний премоляр	Зуб с зазубриной в корневой части	1			1
Песец, клык	Сверленный зуб	9			9

видовой состав животных, из зубов которых они сделаны. Легко заметить, что зубы хищных составляют здесь явное меньшинство — 11 из 81 шт., причем песцу принадлежат девять клыков (как верхних, так и нижних), а волку — только два зуба, клык и премоляр. Остальные принадлежат крупным травоядным (перечислено в порядке возрастания частоты встречаемости) — лошади, бизону, северному оленю (табл., рис. 3). С учетом зубов-заготовок из «кладов» преобладание зубов северного оленя (с перфорацией, нарезками или без оных) является абсолютным. Как интересную деталь следует отметить присутствие в наборах молочных резцов северного оленя.

Украшения из зубов различаются по способу подвешивания и методу оформления отверстия. Простейшим и наиболее редким в Янской коллекции является способ подвешивания с помощью небольшой зарубки или кольцевой нарезки, сделанной в корневой части зуба. Таких изделий всего четыре, два из них — зубы лошади, два других принадлежат волку (табл.). Вероятнее всего, эти

предметы носились как самостоятельные украшения-подвески, подобные рассмотренным выше формам, встреченным единично (подвески из антраксолита, янтаря и др.).

Все остальные имеют отверстия, выполненные односторонним или биконическим сверлением (видимо, в последнем случае с дополнительной зенковкой внутренней части отверстия, выполнявшейся с тем, чтобы придать ему цилиндрические очертания). Отмечены случаи повторной перфорации, осуществлявшейся после повреждения первоначального отверстия. Перфорация прорезанием полностью отсутствует.

Отверстие чаще всего располагали в корневой части зуба на уровне примерно 2/3 общей его высоты, измеренной от поверхности коронки до кончика корня. Перед сверлением отверстия поверхность корня подготавливали, формируя абразивной обработкой плоские ровные поверхности, удобные для начала работы. В точке сверления, видимо, наносились ориентирующие штрихи. Уплотнение, вероятно, было необходимо не только

технологически, но и функционально, в ходе монтажа украшения. Возможно, в этих композициях участвовали крупные бусы и пронизки, в небольшом числе имеющиеся в коллекции.

Как было показано выше, есть основания думать, что по крайней мере часть этих украшений содержала семь зубных подвесок. Возможно, были и другие наборы, но случай с семеркой в отличие

от них очевиден. Можно определенно сказать, что среди таких композиций из перфорированных зубов травоядных (считая и наборы зубов в «кладах») преобладают те, в которых представлены зубы животных одного вида — бизона (2 случая) или северного оленя (4 случая). В группе из трех подвесок, найденных совместно, определены резцы бизона (2) и один — северного оленя.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ДИСКУССИЯ

Рассмотрим предметы, встреченные при раскопках в пункте Северный Янской стоянки в единичных количествах. Несмотря на малочисленность, данные находки весьма информативны. Прежде всего это относится к кольцеобразным подвескам, определяемым как подвески типа Куртак. Они встречаются в Сибири помимо Янской стоянки на памятнике Куртак IV в Минусинской котловине, где, как и янские, имеют доледниковый возраст в интервале 26 000–23 000 л.н. или чуть древнее (Лисицын, 2000), а также на стоянке Хотык в Забайкалье, имеющей существенно более древний возраст — около 40 000 л.н. или древнее (Ташак, 2009). В слое 3 этого памятника найден фрагмент кольца, изготовленного из мягкого камня. Возраст горизонта определяется в интервале от 34 000 до 26 000 л.н. Различную степень сходства с янскими имеют находки из Денисовой пещеры (Деревянко и др., 2003; Деревянко, Рыбин, 2003), стоянки Каштанка I (Лисицын, 2000), Усть-Кова (Medvedev, 1998), при этом только Каштанка I существенно моложе Янской стоянки. Известны такие предметы и за пределами Сибири, например в ориньякском комплексе стоянки Спи на северо-востоке Франции (Tabarin, 2004).

Интересна находка пуговицеобразной костяной поделки с центральным отверстием (рис. 1, 9). Подобные изделия, но изготовленные из ископаемой скорлупы яиц страуса, известны в Забайкалье на стоянке Подзвонка (Ташак, 2009). Прочие подвески, встреченные в единичных экземплярах, изготовлены из антраколита (рис. 1, 10) и янтаря (рис. 1, 9). Янтарная подвеска находит аналогии в мальтинских материалах, где подобное изделие с двойной нарезкой для привязывания трактуется

как антропоморфное изображение (Medvedev, 1998). В обоих случаях трудно сказать, так ли это, но янские подвески из минерального сырья в любом случае дают ценную информацию о дальности и направлении перемещений населения. Небольшое месторождение антраколита имеется вблизи пос. Тикси в 220 км к ЗСЗ от Янской стоянки, а оба вида сырья доступны на о. Новая Сибирь, примерно в 600 км по меридиану.

Другая категория личных украшений представлена на Янской стоянке массовыми находками подвесок из зубов животных. Большинство из них имеют сверленное отверстие для подвешивания, нарезки сделаны только в четырех случаях. Они весьма интересны в видовом отношении — полностью преобладают крупные травоядные, а среди них — северный олень, тогда как хищные представлены преимущественно песцом (рис. 3, табл.), волк чрезвычайно редок, хотя в фаунистическом материале стоянки прекрасно представлен как посткраниальным, так и краниальным скелетом, имеются и целые черепа. В целом подвески из зубов — вполне обычная разновидность украшений, широко представленная на памятниках верхнего палеолита Северной Евразии пространственно и хронологически (Абрамова, 1962; Бадер, 1998; Abramova, 1995; Gvozdover, 1995; Svoboda et al., 1996), в том числе и в Сибири (Астахов, 1999; Деревянко, Рыбин, 2003; Medvedev, 1998). Как справедливо отметил В.С. Житенев, наиболее интересными являются случаи, когда таких подвесок много (Житинев, 2007).

В обзоре материалов Восточной Европы В.С. Житенев обращает внимание на то, что в памятниках раннего и среднего палеолита на этих

территориях заметно преобладают подвески из зубов песца/лисицы (Житенев, 2007: табл. 1). Характернейшим примером может служить Сунгирь, где таких подвесок известно более 200, Костенки 15 (около 180 экз.) или Авдеево (175 экз. — Старый объект, 145 экз. — Новый). Стоянок, в материалах которых такие изделия представлены десятками, также довольно много — Зарайская, Костенки 4, 14, 17, Хотылево II, Авдеево и др. На основании планиграфии находок в погребениях Сунгирия и Дольни Вистонице В.С. Житенев предполагает, что порядок использования подвесок из зубов животных связан прежде всего с головными уборами и поясами. Это весьма возможно, однако, как уже было отмечено в отношении бус, требует специальных доказательств, поскольку «ожерелья» из клыков песца/лисицы могли быть нашиты на головной убор в сборе либо помещены в могилу непосредственно во время акта погребения и размещены соответствующим образом. В то же время пояса с расшивкой зубами животных известны на Северо-Западе США и на Чукотке в материальной культуре эскимосов (Степанова, 1949). И в том и в другом случае использовались передние зубы северных оленей, снятые вместе с кусочком челюсти и пришитые к основе пояса в сборе.

Тем не менее в анализированных В.С. Житеневым выборках налицо сознательный выбор определенных классов зубов песца/лисицы. Таким образом, людьми верхнего палеолита Русской равнины сбор материала для «украшений» осуществлялся на основании каких-то смысловых значений создаваемой композиции. Подчеркнем еще раз, что в янских материалах травоядные, а среди них северные олени полностью преобладают, что также является несомненным признаком сознательного символического поведения.

Говоря об особенностях планиграфического пространства подвесок из зубов животных, В.С. Житенев обращает внимание в том числе на так называемые «кладки» из заготовок, отмечая при этом, что не всегда можно с уверенностью трактовать эти скопления как разовый намеренный акт, поскольку происходят они из полузакрытых или открытых комплексов. В качестве примеров тем не менее приведены скопления из Авдеево (либо по 29, либо по

14 зубов) и из Зарайской стоянки (32 зуба). Скопления заготовок для подвесок из зубов, обнаруженные при раскопках Янской стоянки, всегда включают в себя семь предметов, таких скоплений обнаружено пять, в четырех из них были собраны резцы северного оленя (в двух случаях молочные).

Можно предполагать, что сверленные подвески из резцов травоядных входили преимущественно в какие-то композиции. Для индивидуальной носки, подобно изделиям из минералов и некоторым костяным (рис. 1), были предназначены подвески с нарезками в корневой области. На основании находок групп подвесок и их заготовок, в которых с заметной повторяемостью представлено по семь предметов, можно говорить о том, что число «семь» имело в жизни янских людей определенное значение.

Про магию числа «семь» написано огромное количество работ. Нет ни одной религии мира, где семерка не играла бы заметной роли, и ни одного народа, в фольклоре которого она не была бы обыграна как фактор удачи, осторожности и т.д. Существует и обширная археологическая литература на эту тему, в которой обсуждаются истоки этой магии.

Б.А. Фроловым была предложена гипотеза о происхождении «ритма семь», а затем и «магической семерки» в палеолите из наблюдений людей за Луной с последующим выделением времени (семь дней) одной ее фазы (Фролов, 1974). Это сильное заключение, предполагающее созерцательность природы людей палеолита, наличие у них достаточного количества свободного времени, а также хорошие метеоусловия для наблюдений, характерные для проживания во внеполярной области. Но люди жили и за Полярным кругом, где на протяжении значительного времени (в полярный день) Луну видно не очень хорошо, а в остальную часть года не всегда, потому что пурга на 10–14 дней — явление в тех краях вполне ординарное.

Люди верхнего палеолита, безусловно, обладали какими-то календарными познаниями, однако, на наш взгляд, обнаружить прямые свидетельства этого практически невозможно. Так, вычисление хода времени по мальтинской бляхе (Ларичев, 1985), одного из наиболее известных «календарей», позволяет при желании вычислить и конец света. Следует упомянуть, что для нее предложена не-

давно вполне реалистичная трактовка орнамента как наглядного пособия по разделке шкур/кож на ремни (Прието, Карденас, 2005–2009). Возвращаясь к теме календаря, нельзя не вспомнить о календаре юкагиров, поскольку этот маленький арктический народ по причине удаленности мест проживания до последнего времени оставался практически не затронут цивилизацией. Здесь, например, до сих пор в ходу такие малопонятные «цивилизованному» человеку меры расстояния или времени, как «переход» или «бак бензина».

Сведения о календарных знаниях юкагиров, собранные В.И. Иохельсоном в 1901 г. на севере Яно-Индигирской низменности, весьма наглядно подвергают сомнению достоверность календарных вычислений по артефактам эпохи палеолита. Так, В.И. Иохельсон пишет, что «они исчисляют больше времен года, чем мы». Всего их насчитывают шесть, и границы этих сезонов вряд ли соответствовали в прошлом какой-либо фиксированной дате. Они не считают дней в году, а также недели, и у них не было названия дней недели. Времен года у юкагиров шесть, среди них лето, осень, зима и три весны (1-я, 2-я, 3-я, после которой вновь наступает лето). Начало года считается от (примерно) летнего солнцестояния (Иохельсон, 2005). Справедливости ради следует отметить, что понятие месяца у юкагиров имелось, и это был лунный месяц (в году — двенадцать, но это мало о чем говорит, поскольку даже римляне до введения юлианского календаря обходились календарной системой, в которой месяцев было десять).

Таким образом, юкагиры создали типичный календарь, привязанный к хозяйственному циклу и местной фенологии, обычный для этнических групп, в исторической современности практиковавших систему хозяйства, до некоторой степени подобную верхнепалеолитической. Ни количество дней, ни даже количество недель в таких календарных системах значения не имеет. Именно так обстояли дела и в верхнем палеолите, поэтому вычисление лунных месяцев и недель по узорам на артефактах — просто игра ума.

Тем не менее магия семерки существует и существовала всегда и везде. Рациональное объяснение этому феномену нашел, на наш взгляд, Дж. Миллер

(Miller, 1956). Оно основано на физиологии и принципах действия человеческой памяти, то есть психофизиологически обусловлено. Магическое число семь плюс-минус один или два связано со способностью человека удерживать в оперативной памяти объекты, явления, понятия. Оптимальное число — семь, по этой причине и чудес света семь, и в меню компьютерных программ семь пунктов, магия семерки находит применение в правилах управления персоналом и т.д. (см., например: Букалов, 1999; Скопылатов, Ефремов, 2000).

Вряд ли люди Янской стоянки знали столь глубоко свойства человеческого мозга, но считать они определенно умели. Ритм числа «семь», скорее всего, также связан с какими-то счетными операциями. Он может являться мнемоническим средством либо неким символом.

Можно попытаться определить его смысл, обратившись ко всей совокупности данных о личных украшениях, рассматриваемых в настоящей работе, и к некоторым общеизвестным фактам. Прежде всего следует обратить внимание на фаунистический материал Янской стоянки, в котором одним из наиболее массовых промысловых видов (если не самым массовым) является северный олень (Pitulko et al., 2004; Питулько, 2010). Далее, отметим, что в состав краски, производившейся на стоянке, входит жир этого животного (Питулько и др., 2012), и его же зубы используются наиболее часто для изготовления подвесок, наравне с зубами других травоядных. Зубы хищных представлены минимально, а волка — крайне редко. В то же время, на стоянке известны его остатки, в том числе полные черепа, установленные мордой вверх в центре кострища, никогда более не использовавшегося (Питулько и др., 2012). Таких случаев три, что говорит о специфическом ритуальном/символическом поведении янских людей, которые оставляли голову волка в качестве знака (?), возможно, демонстрировавшего их право на территорию.

Возможным предположением в таком случае будет и отождествление этих людей с волками. Волк — злейший естественный враг северного оленя, поедает его и охотится, во всяком случае зимой, стайно. Он обладает также привычкой выть на Луну или просто на небо, на котором в северном

полушарии отлично видно созвездие, которое мы называем Большой Медведицей (а в нем, кстати, семь звезд, и оно тысячелетиями служило в Северном полушарии важнейшим навигационным сред-

ством). Люди, практикующие коллективную охоту на северных оленей, вполне могли найти ассоциативную связь между своим поведением и поведением волков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная коллекция личных украшений-подвесок из раскопок Янской стоянки позволяет сделать несколько интересных, на наш взгляд, выводов и предположений. Так, изделия из минерального сырья (янтаря и антраксолита), хотя и немногочисленные, дают возможность предполагать, что обитатели стоянки либо совершали перемещения на далекие расстояния, либо поддерживали обменные связи с людьми, расселявшимися далее к северу, в районе современных Новосибирских островов, где известны оба вида сырья.

Подвески типа Куртак, судя по всему, являются стабильным и важным элементом культуры верхнепалеолитического населения Сибири, представленным от Енисея на западе и Забайкалья на юге до арктической области. Вероятно, подобные изделия (связанные с символическим поведением человека), даже немногочисленные, могут служить надежным индикатором родства населения, осваивавшего пространство Сибири в эпоху верхнего палеолита.

Подвески из зубов животных, найденные на Янской стоянке, дают богатую пищу для размышлений. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что массовый материал этого рода встречен при рас-

копках памятников палеолита Сибири впервые. В значительной степени данное обстоятельство объясняется, безусловно, тафономией памятников. Тем не менее складывается впечатление, что на памятниках Сибири преобладают подвески из зубов травоядных, тогда как в верхнем палеолите Русской равнины и далее на запад доминируют украшения, изготовленные из зубов хищных (лисицы и волка). Ничто, казалось бы, не мешало использованию на Янской стоянке зубов волка и песца, однако такие находки единичны. Это, несомненно, свидетельство сознательного выбора.

Наконец, при раскопках Янской стоянки встречены, как и на европейских памятниках, «кладки» из зубов-заготовок, подготовленных для выработки украшений. На Янской стоянке эти группы часто включают в себя семь резцов оленя или бизона, редко того и другого животного. Повторяемость таких находок достаточно высока, для того чтобы считать это действие намеренным. С чем конкретно было связано использование комплектов из семи просверленных зубов травоядных животных, не вполне ясно, но очевидно, что магия числа «семь» имеет глубокие корни.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект № 1.11) при поддержке РФФИ (грант № 11-06-12018). Авторы считают своим долгом выразить признательность руководству Программы за оказанную поддержку, а также поблагодарить всех, кто

принимал участие в очень непростых полевых работах на Янской стоянке, участвовал в обсуждении и обработке материалов. Осуществление значительной части проделанной работы было бы невозможным без многолетней ее поддержки в рамках проекта «Жохов 2000» фондом «Rock Foundation» (Нью-Йорк, США).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Астахов С.Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб.: «Европейский Дом», 1999.

Бадер О.Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М.: Научный мир, 1998. С. 5–164.

Букалов А.В. Феномен структурирования психоинформационного пространства: иерархия объемов чело-

веческого внимания, памяти и мышления // Соционика, ментология и психология личности. 1999. № 2. С. 3–11.

Гаккель Я.Я. (ред.). Новосибирские острова. Л.: Гидрометеониздат, 1967.

Дервянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // АЭАЕ. 2003. № 3. С. 27–50.

Дервянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1977.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1979.

Житенев В.С. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 40–61.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005.

Ларичев В.Е. Календарная пластина Мальты и проблема интерпретации образов первобытного художественного творчества // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 74–104.

Лбова Л.В. Палеолит Северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб: Петербургское востоковедение, 2000.

Питулько В.В. Археологическая составляющая Берелехского комплекса // Записки ИИМК РАН. 2011. № 6. С. 85–103.

Питулько В.В. Расселение и адаптации древнего человека на Северо-Востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 38–46.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоклеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб.: Наука, 2010.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Символическая деятельность верхнепалеолитического населения Арктической Сибири (бусы и подвески Янской стоянки) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М.: РОССПЭН, 2012. С. 35–51.

Прието А., Карденас Р.А. Мальгинская пластинка из бивня: технологический чертеж эпохи палеолита // Stratum Plus. 2005–2009. № 1. С. 334–336.

Скопылатов И.А., Ефремов О.Ю. Управление персоналом. СПб., 2000.

Слободин С.Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999.

Степанова М.В. Два эскимосских пояса из собрания МАЭ // Сборник МАЭ. 1949. Т. XI. С. 62–72.

Ташак В.И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 50–62.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.

Abramova Z.A. L'art Paléolithique d'Europe Orientale et de Sibérie. Grenoble: Gêrôme Millon Editions, 1995.

Gvozdover M. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeev (Oxbow Monograph 49). Oxford, 1995. (Oxbow Books).

Medvedev G.I. Art from Central Siberian Palaeolithic sites // The Paleolithic of Siberia. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 132–137.

Miller G.A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information // Psychological Review. 1956. № 63. P. 81–97.

Pitulko V.V. The Berelekh Quest: A Review of Forty Years of Research in the Mammoth Graveyard in Northeast Siberia // Geoarchaeology. 2011. Vol. 26(1). P. 5–32.

Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskey V.E., Kulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. 2004. Vol. 303(5654). P. 52–56.

Svoboda J., Ložek V., Vlček E. Hunters between East and West. The Paleolithic of Moravia. N.Y.; L.: Plenum Press, 1996.

Taborin Y. Langage sans parole. P, 2004.